

References:

1. Philosophy and the Mirror of Nature: Thirtieth Anniversary Edition by Richard Rorty, with an introduction by Michael Williams and an afterword by David Bromwich. Princeton: Princeton University Press, 2009. – 449 p.
2. Marcuse H. Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. [Text] Translated from English / H. Marcuse – Moscow: AST, 2002. – 526 p.
3. Pavlova E.L. Search for personal identity in the time of crisis: from natural to social mentality. [Text] / E.L. Pavlova. Philosophical issues: yesterday, today, tomorrow. Annual collection of scientific articles of the Department of philosophy and cultural studies. Issue 2. Rostov-on-Don: RSUE (RINH), 2011. – 64-73 pp.
4. Kant I. The critique of pure reason. Translated by J.M.D. Meiklejohn [Electronic source]. – Access mode: <http://www.gutenberg.org/files/4280/4280-h/4280-h.htm> (15.02.2021)
5. Ivanitsky A. Physiological studies of consciousness and the problem of artificial intelligence [Text] / A. Ivanitsky. Artificial intelligence. Interdisciplinary approach. Edited by D.I. Dubrovsky and V.A. Lektorsky, Moscow, 2006. Ibid [Electronic source]. – Access mode: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=381> (15.02.2021)
6. Trofimova M. Human Reject. On orphanage No.12 in Moscow / M. Trofimova. – Moskovskaja Pravda, No. 24, as of June 18th 2001.
7. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation [Text] / – Translated by O.A. Pechenkina. – Tula, 2013. – 204 pp. Ibid. [Electronic source]. – Access mode: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/01.php (15.02.2021)
8. Foucault M. The will to the truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. [Text] / M. Foucault. Transl. from French. – Moscow: Kastal, 1996. – 448 pp.
9. Pavlova E.L. Modern man: autonomy or focus of foreign interests (epistemological dimension) // Messenger of the Tatishchev Volga university No.2, Togliatti, 2015 – cc. 241-249.

CONCEPTUALIZATION OF THE SOCIAL IN HISTORICAL AND ECONOMIC INTERPRETATIONS

Polyakova Natalya Borisovna, PhD of Philosophical science

Shamshurin Aleksey Andreevich, Postgraduate student, Assistant

Department of Philosophy and Humanities, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk

The aim of the article is to conceptualize the Social in topological and temporal structures. In "Les nouvelles sociologies" Ph. Corcuff sets the theory of society as socio-economic and historical constructs of a sociologist. The authors claim that the social understanding of society present the Social in variable and invariant aspects. This disclose the lack of theoretical tools of comprehension. Only in the space of a philosophical view, the thinking subject considers the plurality as a unity. Various social theories intersect in philosopher's position. Unraveling different "points of view" on society in the process of interpretation creates new meanings. The philosophical concept expresses the identity of the subject and the object. Therefore, the "vision" of a philosopher can be defined as determining (subjective) and as definable (objective). The objectified meaning of the Social written out by economics, as it were, constantly needs subjective justification and historical legitimation.

Keywords: concept; meaning; interpretation; communion; co-being; social; historical; economic.

DOI 10.24923/2222-243X.2021-38.31

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ "СОЦИАЛЬНОГО" В ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Целью статьи является концептуализация "социального" в топологических и темпоральных структурах. Ф. Коркюф в "новых социологиях" задает теории общества как социально-экономические и исторические конструкции социолога. При рассмотрении "социального" в аспекте его вариативности и инвариантности обнаруживается нехватка теоретического "инструментария". Только в корпус философа мыслящий субъект может полагать данное ему множество как единство. В фигуре философа пересекаются различные социальные теории. Интерпретативное "распутывание" разных "точек зрения" на общество располагает "новыми" смыслами. Философский концепт выражает тождество субъекта и объекта. Поэтому "видение" философа может быть задано как определяющее (субъективное) и как определяемое (объективное). Выписанный экономикой объективированный смысл "социального" постоянно нуждается в субъективном оправдании и исторической легитимации.

Ключевые слова: концепт; смысл; интерпретация; совместность; событие; социальное; историческое; экономическое.

УДК 141.7

ВАК РФ 09.00.11

© Полякова Н.Б., 2021

© Шамшури А.А., 2021

ПОЛЯКОВА Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент

ШАМШУРИН Алексей Андреевич, аспирант, ассистент

кафедра Философии и гуманитарных дисциплин, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Обеспечиваемая господством экономических структур digital трансформация социального взаимодействия, стремительный рост

и усовершенствование технологий во всех сферах совместного человеческого существования указывают на необходимость переосмысления социального как "социального". Эта рефлексия, представляющая долг мыслящего человека перед самим собой, заключается в философствовании, в процессе которого он приобретает новые порядки значений и смыслов, манифестируя объединения людей под разными "именами". Опрокидывание сообщества в определенную, актуальную экономическую идею обрекает его на повседневную просчитываемую жизнь, заключенную в трюизмах. Промысливание идеологичности существования общества подводит к вопросам, затрагивающим человеческую суть. Позволяет осознать косный и насильственный характер социального взаимодействия, направленного на производство потребления в новых цифровых вариантах: от компьютерных игр, внутри которых происходит коммуникация, до социальных сетей, куда давно перебрался бизнес и государственный контроль. Само социальное приобретает черты социальных сетей. Такое развитие социального несет в себе прямо противоположный эффект со-в-местности – одиночество, – как бы переиначивая выражение Гегеля "...и род освобождает себя от единичности посредством смерти" [5, 127]. Теория общества содержит всеобщее, мысль, существующих "химер". Каждая теория как конструкт "общества" – общества модерна и постмодерна, массовое и индустриальное общества, общество потребление и "общество 5.0" – закладывает определенный тип человека, и без философского мышления он обрекает себя на рабство, которое им же самим искусственно сотворено.

Состояние современного общества носит сетевой, нейроонтологический характер, отличающийся особой плотностью постоянно возрастающих научных знаний, преднамеренно создающихся для тотального управления на нейролингвистическом, нейрорациональном и далее поведенческом уровнях, то есть на уровнях внутренней жизни человека и человечества. Научная информация, воспринимаемая как опытное знание и используемая в качестве средства воздействия, довлеет над мышлением. Поэтому освобождение от манипуляции состоит в том, чтобы осмыслить современное состояние общества, актуализируя новое понимание социального как такового.

Цель статьи – рассмотреть концептуально-философское произведение "социального" сквозь призму социально-экономических и исторических смыслов.

Концептуальный анализ "социального" предъясняется в понятийном разнообразии. Социальное определяется как "общество" и "сообщество", "социальная реальность" и "социальная действительность", "социальная теория" и "социальная практика". Поэтому, прежде чем приступить к концептуализации "социального", требуется разграничить в смысловом отношении "понятие" и "концепт". Обратимся к С. Н. Зенкину, который пишет, что "логический объем (экстенционал) "концепта", по Делёзу и Гваттари явно иной, чем у русского "понятия". Авторы настаивают, например, на том, что "наука не имеет концептов" – не переводить же "у науки нет понятий"?.. Концепт – это очень специфический вид понятий, присущий только философии" [6, 282]. Указание на отличие философии и науки необходимо для того, чтобы разграничить объективацию концепта в понятийных структурах. "Понятие" принадлежит науке, "концепт" – философии. Поскольку философский способ мышления априорный, то есть не принадлежит опыту, постольку "концепт", в отличие от "понятия", также освобожден от опыта. Но если наука отталкивается от непосредственно данного опыта, то философское мышление опосредовано и опыт (как жизненный опыт) заключен в самой фигуре философствующего, субъекта. "Концепт", не имеющий общих обоснований в опыте как научные "понятия", отличается своей вариативностью, которая зависит от философа. Поэтому "концепт – это множество неразделимых вариаций, которое создается или конструируется в плане имманенции, поскольку тот пересекает переменность хаоса и сообщает ему consistency (реальность)" [6, 266]. На это различие "концепта" и "понятия" также указывает Г.В.Ф. Гегель: "Нужно различать между понятием [перевод А. Ш.: *концептом*] в спекулятивном смысле и тем, что обычно называют понятием. Тысячи и тысячи раз повторявшееся и превратившееся в предрассудок утверждение, что бесконечное не может быть постигнуто посредством понятия, имеет в виду понятие в последнем одностороннем смысле" [5, 94]. Представители как классической, так и современной философии указывают на различённость "концепта" и "понятия". "Концепт" как мысль первичен по отношению к опыту. поэтому опыт полагает, в результате которого создаются "понятия" как отражения существенных признаков предмета мышления. Так, мышление, интерпретируемое Ж. Делезом и Ф. Гваттари, возвращается к самому себе посредством концептуализации, различая концепт с

понятием, а смысл со значением. Здесь явно прослеживается субъективное начало концепта, закрепленного в объективированных понятиях. Концепт оказывается формой/corpus. Концептуальность заполняет форму содержанием. Если форма – это объективированное философское мышление, то содержание/концептуальность есть наполнение смыслом или субъективная смыслоположенность концепта. Субъективный смысл объективируется в истине, понятии и значении.

Связность субъекта и объекта раскрывается в интерпретации смысла Г. Фреге [17]. Он определяет логику "смысла" сквозь рассуждения об "истинности истины". Истина, будучи положена как нечто абсолютное и неизменное, задается через свой признак – истинность, – который есть некое представление философствующего субъекта. Осмысляя истинность истины, субъект приводит достаточные основания своего философствования, которое приобретает следующий вид: "истина – истинность – смысл". Концепт оказывается и субъективным, и объективным. Смысл оказывается итогом субъективации, возникающим в процессе осмысления истины. А истина есть результат объективации, разворачивающейся внутри авторских философских концепций, выход из которых приводит к пониманию ее субъективности (Ф. Ницше). Г. Фреге доказывает, что содержание задает истину, то есть смысл. Точно также объективация смысла происходит в понятии и значении. Истина, понятие и значение есть смыслоположение концепта.

Тот факт, что смысл имеет и объективную и субъективную значимость, определяет его как всегда находящимся в со-бытии. Ж.-Л. Нанси указывает: "Допустив, что философия представляет собой вопрошание или утверждение смысла, нужно добавить, что модальностью такого вопрошания является совместность. <...> Смысл разделяем, сообщаем, коммуницируем, по определению совместен. Предположить, что его существование "имеет" "смысл", – значит допустить, что он есть то, что заставляет его сообщаться, то, что передает его чему-то иному, нежели я сам. Смысл составляет мое отношение к себе как соотносительному с другим. Бытие без другого (или без друговости) не имело бы смысла, будучи лишь имманентностью собственного полагания, или, что то же самое, бесконечного допущения самого себя. Смысл смысла – начиная с "эмпирического" и кончая всеми другими смыслами – в том, чтобы подвергаться воздействию извне, быть под воздействием внешнего, а также в том, чтобы самому

воздействовать на это внешнее. Смысл состоит в разделении этого "в-месте" (в "совместности"), и это относится ровно к фигурам смысла, которые представляют его как несообщаемый, или как замкнутый в безысходной субъективности, или даже как бессмыслицу. Соответственно "совместность", видимо, уже подразумевает какое-то подобие философии, т.е. отчетливое разделение смысла; в результате которого зарождается именно со-общество" [13, 92]. Таким образом, смысл бытия в совместности, поэтому только со-бытие бытия "имеет" смысл. Тогда концепт "бытие" мыслится как со-общающееся, а потому общее или "социальное бытие". Смысл бытия раскрывается в социальном, поэтому "социальное бытие" и "социальное" оказываются равнозначными.

"Социальное" с точки зрения философии может пониматься как "совместное существование", которое полагается в процессе мышления и поэтому субъективно. Промысливая социальное взаимодействие, теоретик стремится объективировать свое представление в рамках социального теоретизирования, полагая "социальное" как "общество". "Социальная теория" и субъективна, и объективна. На субъективную сторону указывает интерпретативный характер промысливания. Объективация "социальной теории" происходит через структурирование пространства "социального". Темпоральный анализ общества позволяет фиксировать его исторически по средством вычленения этапов. Периодизация увязывает социальное с объективностью. Тогда история благодаря пространственно-временному анализу может пониматься как способ установления единства совместного существования. Совместность как со-общаемость артикулирует "социальное" через его переименование, традиционным категориальным обозначением которого является "общество".

"Общество", являясь предметом науки, её конструктом, обуславливается его социальным смыслом. Этот "socius" имеет смысл, задающий само общество как "общество". "Общество" по необходимости социально, выйти за пределы смысла "социального" оно не может, не потеряв свой смысл. Поэтому нагромождение научных знаний об обществе мыслится в рамках концепта "социальное", как более фундаментального, чем уже-застывшее в своих результатах научное понятие "общество".

Обратимся к представлению об обществе одного из современных социологов, который в попытке уйти от категоризации, мыслит его в качестве социально-исторического конст-

рукта. "Ревизия понятия "общество" ориентирована либо на то, чтобы вообще отказаться от этого понятия, либо на то, чтобы настолько динамизировать и расширить содержание этого понятия, чтобы оно оказалось пригодным в качестве важнейшего теоретического средства постижения новых социальных реальностей" [15, 92]. Намечается возможность понимать "социальное", концептуализируя его через вариативность содержания "общества", когда каждый созданный теоретиком-социологом конструкт предстает в виде интерпретации [4].

Конструктивизм полагает инвариативную субъективированную структуру "общества" (Н. Луман, Ф. Коркюф, П. Бурдьё и др). Теория "социального" понимается как конструируемая социальная реальность, объективация которой формирует "действительность" как данность [3]. Это конструирование "общества" предстает актом творчества, неотделимым от мыслящего "Я". Мыслящее "Я" создает как со-задает в процессе мышления умственный образ действительности. Топологизируя, философствующий субъект связывает и упорядочивает концепты в плане имманенции. "План имманенции – это не мыслимый или потенциально мыслимый концепт, но образ мысли, тот образ, посредством которого она сама себе представляет, что значит мыслить, обращаться с мыслью, ориентироваться в мысли..." [6, 50]. "У плана имманенции две стороны – Мысль и Природа, *Physis* и *Nuos*. Поэтому столь многие бесконечные движения заключены одно в другое, сгибаются одно внутри другого, так что возвратный ход одного мгновенно приводит в движение другое и этим грандиозным челноком непрестанно ткется план имманенции" [6, 53]. "Общество" поэтому не находится где-то вне, но задается и промышливается изнутри, со-единяя человека с другими людьми.

"Общество" через концептуализирующего философа различными способами схватывало объединяющую людей мысль как целое и всеобщее, то есть т?, что в ней существовало и обращалось как нечто объективное, касающееся всех и содержащееся в-себе, которое выражалось как "идея", "истина", "сущность", "смысл" и т.д. Таким образом, "общество" представляет собой вариант интерпретации концепта "социальное", смысл которого раскрывается из изначального целостного видения через множественность содержания "общества". Поэтому мы утверждаем "общество" как целое в его целостности и бесконечности движения.

Целостность "общества" полагается как социальное бытие, то есть через способ его су-

ществования. Оно раскрывается в едином, не поделенном на части целом. Поскольку "общество" является концептом, оно обнаруживает подвижность смысла уже в том, что для него не существует определения через родовое понятие. "Общество" как "общее", "общность" имеет широкое значение раскинутым от референтной социальной группы до правового и гражданского общества, находящее свое выражение в государстве и праве. "Общность" понимается как признак общества, или то, "ради чего". В таком случае содержание "общества" всегда вступает в отношение с иным непосредственным знанием, представленным социально-гуманитарными науками, но не с тем, что можно было бы назвать необходимым условием "общества", заключенного в плане имманенции. Социальное есть то, что обладает "социальностью", полагаящей границы общества. Что указывает на процесс субъективации объективного. Если же следовать логике Г. Фреге, то объективация субъективного будет равнозначна выражению "общество-общность-социальное" по аналогии "истина-истинность-смысл".

Философия "не отбрасывает в сторону эмпирическое содержание [наук], а признает его, пользуется им и делает его своим собственным содержанием" [5, 94]. Однако социальная философия идет дальше, вводя новые содержательные "точки зрения" концепта "социальное". Философствующий, с одной стороны, может рассматриваться как тот, чьи конструкты определены социальным – тогда "социальное" представляется объективной действительностью. С другой стороны, философская точка зрения может обнаруживаться как определяющая "социальное", то есть как субъективная реальность. Через концепт "социальное" предъявляются определяемая социальная действительность и определяющая социальная реальность. Определение "социального" будет означать установление тождества между определяющей и определяемой сторонами. Так стоит различать два способа философского осмысления "социального": через объективную действительность или через субъективную реальность.

В словосочетании "социальная действительность" именно действительность как многовариантное становится определяющим понятием для социального бытия. Тогда как в варианте "социальная реальность" социальное как многозначное задает определение однозначному реальному (определяемому). Реальное и действительное пересекаются в точке "социальное".

Во-первых, теоретизация социальной действительности полагает ее как данность, которая "существует до и помимо науки, может быть представлена с помощью бесчисленного множества социальных пространств, различающихся своим объемом <...> и структурой" [18, 572]. В социологии П. Бурдьё "социальное пространство" – конструкт, необходимый для координации предметов исследования, обобщения эмпирической информации. Такая действительность, взятая сама по себе, может быть представлена в качестве естественной, биофизической, символической, так и другой необходимостью сосуществования конкретных индивидов. "Социальное" тождественно "действительности" (это такие понятия, которые отражают объективные законы вещей), а социальная действительность всегда больше по объему, чем описывающая ее социальная реальность. Основная задача – описать социальную действительность, а значит, как указано выше, привести ее в соответствие с социальной реальностью. В ходе описания возникает нехватка теоретических "инструментов", которая приводит к множеству различных теорий общества, то есть к множественности *объективированной социальной реальности*.

Во-вторых, продуктом описания социальной действительности выступает социальная реальность, но именно поэтому любая социальная действительность и есть социальная реальность. Смысл "социального", представленный объективно, субъективируется, обращаясь к определяющей социальной реальностью, выраженной через философа. Именно он, сквозь призму своего видения, из множества теорий общества конструирует единую и целостную социальную реальность.

Социальная реальность топологизирует и структурирует множество, предъявляя "социальное" как единое. Если социальная действительность обуславливает субъект, то здесь предзадана объективная реальность как некоторая данность ("первая натура" у Ф. Ницше [14, 22]). Основная задача – "схватить" мысль, ибо мышление является тем, что объединяет людей, поскольку общество, государство, власть – это всегда "общество", "государство", "власть", существующие как овнешненные мысли, конструкты. И в этом способе осмысления "социального" также заведомо ставится необходимость отождествить субъективированную социальную реальность и действительность как объективную реальность для того, чтобы определить "социальное". Но последнее посто-

янно ускользает, потому что социальная реальность, будучи субъективированной, впадает в свою противоположность. Получается, что подвижный смысл "социального", требующий постоянного философствования, исчезает, будто следуя "фатальным стратегиям" Бодрийера [2], вместо него на сцену "общества" выходят объективная реальность в виде научного знания и технологий и масса как "молчаливое большинство". Социальное скрылось в неясной пустоте "Я".

Как в первом, так и во втором способе интерпретации получается, что "общество" как целое имеет социально-теоретические (исследователь) и исторические основания (условия исследования). Последнее предъясняется как "социальная действительность" или "объективная социальная реальность" в зависимости от точки зрения философа.

Обнаружив предельную абсолютизацию философии в абстрактных объяснительных схемах трансцендентального философствования немецкой классики, возникают проекты по возвращению "знания о целом" в человеческую жизнь. Бытие-как-целое переопределяется с позиций антропологического человекопонимания и совместного существования в социальных структурах. Социальная философия XX в. может быть рассмотрена через два способа понимания *socius'a*. Возможно показать, что предельное переосмысление "социального" задают К. Маркс и Ф. Ницше, совершая деконструкцию всех доступных им теорий эпохи. Такая ревизия как ре-флексия "социального" через теории общества имеют положение перекрещивания или со-впадения определяющего и определяемого в "точке" истории. Причем эта "точка" задается у К. Маркса логически и исторически (у Ф. Ницше аналогично: генеалогически и исторически), где логический подход направляет движение познания от "настоящего" к "прошлому", а исторический – наоборот. "Итак это [материалистическое] понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения – т. е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории" [11, 280].

Социальная философия К. Маркса и Ф. Энгельса имеет выраженный материалистический характер, предполагая особенное применение философских аксиом к английской школе политической экономии, и пытаясь реп-

резентировать через такую сцепку философию в жизни. "Socius" раскрывается через заранее заданные необходимые предпосылки. "Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы, это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении <...>. Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов" [10, 8]. Необходимость сосуществования конкретных индивидов связана с общественными отношениями между людьми по поводу производства благ, необходимых для их жизни и, соответственно, жизни общества. "Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства <...>. Само оно [производство] опять-таки предполагает общение индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством" [10, 9]. Производство благ становится детерминантой "социального", поскольку последнее немыслимо без первого, что и кроется в формуле "базис определяет надстройку" [10, 19-24]. Именно по этой причине производственно-экономический взгляд на "социальное" оказывается господствующим и повсеместно трансформируется как теоретически, так и практически в идеологему. Но такую идеологему, которая "парадоксальным образом <...> уже не может быть причислена ко всем прочим идеологиям или к теологиям, к критике или демистификации которых она сама призывает" [7, 89].

Взятый за основу "действительный, исторический человек" [10, 17], находящийся за рамками спекулятивного мышления в зоне позитивной науки, поработен самой исторической действительностью, которая есть не что иное, как конструкт. Исторический материализм задает направление развития общества через общественно-экономические формации, хотя и предполагается некоторый социальный эволюционизм, отрицающий телеологию. Социальная действительность отождествляется с экономическими предпосылками "общества" через историческое развития. Материалистическое понимание истории отталкивается от "производства непосредственной жизни" [11, 280], а значит труд есть данность, существующая как положенная уже до человеческой речи и, следовательно, сознания: "сначала был [добавление А. Ш.] труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились самыми глав-

ными стимулами" [11, 87] развития человеческого мозга. Поэтому смысл "социального" достигается по Марксу через экономику, двигателем которой является "труд". Общественное разделение труда размечает город и деревню, промышленность, сельское хозяйство и торговлю, профессиональный ряд, общественный строй и человеческое развитие вообще. "...Труд... есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь" [11, 329].

"Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар" [9, 71]. Но "дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной" [1, 12-13]. Формализм преодолен Ж. Бодрийяром. Он "переворачивает" марксову теорию стоимости почти так, как когда-то К. Маркс "перевернул с головы на ноги" гегелевскую диалектику. "Социальное" есть не результат экономики, а социальная логика, которая упорядочивает практику предметов. Хотя Ж. Бодрийяр и радикален в своем видении "социального", все же здесь мы можем наблюдать переход к такому способу осмысления, который условно обозначен выше так – "через социальную реальность".

Если Марксов "действительный, исторический человек", "труд" есть мыслительные конструкты, то историческое будет таким концептом, который соединяет социальную действительность и объективированную реальность. Исторический процесс, представляющий способ объективации "социального", как бы играет роль "пути", по которому движется и в котором бытует концепция "общества", тождественная с социальной реальностью. Теория общества принадлежит философу, который каждый раз "выворачивая" целое из "точки" концепта, выражает свое видение и вносит "свой" смысл. Так "социальное" обнаруживает "общество" как конструирующее и конструируемое, концептуальное, а потому плюральное или многомерное.

Анализ "социального" с точки зрения онтологии позволяет интерпретировать способы предъявления "социального" в социальном пространстве и в социальном времени. Когда речь идет о концептах, то любой концепт, в результате процесса понимания значений "социального", занимает место в пространстве, что выражается фразеологизмом "расставить все по своим местам". Это есть процесс топологизации. У каждой вещи имеется свое место в системе вещей (Бодрийяр).

Теория общества "расставляет" понятия в целостную систему, размечая их значения. Если обратиться к концепту "социальное время", то эти "топосы" социального для философа являются "следами", оставленными прошлым. Теория обществ, с точки зрения времени, есть социальная история как история социального.

Ф. Ницше в "Несвоевременных размышлениях" философски размечает время в истории [14]. Дело в том, что он задает смысл над-исторической точки зрения, то есть философской, по отношению к историческому и неисторическому. Философия Ницше рассматривает историю в трех родах: монументальном, антикварном и критическом. Антикварный род истории присущ научному рационализму и знамиевым структурам, то есть тому, что мы обозначили как объективную реальность. Монументальный род истории суть вне и до науки, а критический – задает научное развитие через самокритику. Можно заключить, что монументальный род истории ближе всего к жизни, поскольку касается "деятельного и стремящегося" существа [14, 12], а потому ближе и к человеку. Именно человек творит данность, такова главная идея "Размышлений" Ницше. Напомним, что Маркс, наоборот, задает человека как подавляемого обществом и природой индивида. Историческое же, по Ницше, приводит к такой данности, которая есть "на самом деле", которая сама заставляет человека в его становлении и мышлении, меняя и обуславливая творческую способность мыслящего-Я.

Ф. Коркюф использует историю для обоснования социального конструктивизма. Историческое условие/данность служит для его цели – социальный конструктивизм как пространство социальных реальностей. "С конструктивистской точки зрения, социальные реальности постигаются как исторические и повседневные конструкции индивидуальных и коллективных акторов. Именно это переплетение множественных конструкций, как индивидуальных, так и коллективных, не зависящее,

впрочем, от отчетливо выраженной воли, ускользает от контроля со стороны участвующих акторов" [8, 12]. То есть "данность" им рассматривается как социальная реальность в ее "множественности конструкций". Его (Коркюфа) определяющая позиция полагает "общество" через социальную реальность, чью историчность следует рассматривать в трех аспектах.

1. "Люди делают историю" (вслед за Марксом). Данную фразу Маркса нужно понимать не буквально. Сознание человека, по Марксу, детерминировано жизнедеятельностью, включая его классовую принадлежность, место в производственных отношениях. Ф. Коркюф использует это выражение в контексте историзма, который предполагает революционность и позитивную науку вместо науки спекулятивной. 2. История предлагает язык, термины, институции и др. предшествующих поколений, которые "люди изменяют <...> и создают на их основе новые" [8, 12]. 3. "Эти социальные реальности вписываются в субъективные и интериоризированные миры" [8, 12]. Социальный конструктивизм использует историю "социального". Объективная социальная реальность (историческая данность) рассматривается как объективированная, а потому имеющая начало в субъективации. Это положение сравнимо с тезисом Бодрийяра о первичности социальной логики. Социальный конструктивизм, следовательно, сам по себе может рассматриваться как интерпретативная структура. Он "обнуляет", "очищает" само "социальное", указывая на него как на "чистую" конструкцию, совпадающую с фигурой конструктора-наблюдателя (Н. Луман).

Если Ф. Коркюф имеет над-историческую позицию, то Н.Л. Полякова задает антикварную историю теорий "общества". Она сохраняет все основные концепции, выстраивая социальную историю с целью представить ее *такой, как она есть сама по себе*, то есть объективно, независимо от нее самой. Поэтому ее концепт "социального" будет основываться на социальной действительности, детерминированной исторически оправданными общественно-экономическими формациями и, непосредственно, К. Марксом.

В монографии Н.Л. Поляковой бытие "социального" задается через теорию общества, которая есть "...принцип объяснения, вскрывающий смысл социальной тотальности" [16, 8]. Соответственно социальной действительности и социальной реальности "теория общества имеет две стороны, или две составляющие: материальную и формальную" [16, 8]. Матери-

альная сторона теории связана с исторической данностью, тогда как формальная сторона устанавливает "фундаментальные компоненты и функциональные связи между ними, присущие всякому обществу, вне зависимости от его конкретного исторического вида и состояния" [16, 8]. Н.Л. Поляковой размечается структура социологических теорий XX в., одни из которых склоняются к формальной, а другие – к материальной стороне. Последние теории предпочтительнее для "концептуализации исторически конкретных социальных состояний" [16, 9]. Так, монографию можно включить в исследования по исторической социологии, что обнаруживается уже в самом названии работы. При этом каждая социальная теория раскрывает целостность социального, предъявляя общество как целое ("тотальность"), предполагает его объективную данность.

Н.Л. Полякова придерживается второстепенности практического действия, называя фиксацию действительности в мысли (именование) необходимостью для ориентации в социально-историческом времени и современных условиях социального опыта [16, 17]. Теоретическое социальное знание ориентирует практическое действие. "Названия отражают и фиксируют те социальные, экономические и политические практики, которые формировались <...> для решения совершенно новых задач, с которыми столкнулись общества" [16, 21].

Именно в этом исследовании оказывается возможным проследить практически во всех социально-теоретических выкладках экономические основания функционирования обществ XX века. Автор начинает с "общества модерна", которое приобретает свои отличительные черты уже с последней трети XVIII в. на Западе. Здесь оно характеризуется индустриализмом, капитализмом; его рассматривают как гражданское, классовое и национальное. Поэтому в основаниях социальной реальности или конструкта общества у Н.Л. Поляковой находится экономическая действительность.

В первом периоде (конец XVIII – начало XX в.) формирования обществ модерна происходит также становление науки социологии. Именно становление социологии XIX в. предопределило возникновение промышленного капиталистического общества. Оно было разработано такими социологами, как К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер и др. [16, 11]. В начале XX в. это общество сменилось на менеджеральное, у истоков которого,

оказывается американская социология (начиная с Ф. Тейлора и Г. Форда). Важно отметить, что переход от либерального, национального общества со свободной рыночной конкуренцией к обществу государственно-монополистического капитализма и организованного капитализма, ведущие к революции менеджеров, связан с империализмом, монополизацией капитала, превращением его в финансовый капитал. Тейлоризм и фордизм, как показывает Н.Л. Полякова, являют, что социальная теория и социальная практика существуют как единые и призваны к эффективному управлению социальными отношениями и на предприятиях, и в обществе в целом. Экономическая эффективность отождествляется с бесконфликтностью и социальной солидарностью во имя общих интересов предпринимателей и рабочих [16, 45].

Если социология XIX в. носила характер конфликта и раздельности (классов, наций), то научной школе американской социологии социальный конфликт сменился на единство, которое задается экономикой, а именно научной организацией труда и профессионализацией управленцев (т.е. менеджеров). Экономика полагает единство социальных агентов. Социология начала XX в. как рефлексивная практика, имеющая "рефлексивно-проективный характер". "Это теоретизированная практика и практическая теория <...> отчетливо и радикально отделила их [общества модерна] от обществ XIX века, от эпохи либерального капитализма" [16, 57].

Первый период исторически является причиной второго (начало XX в. – 70-е годы XX в.), который определяется ключевым понятием "массовое общество", лежащим в основании теорий общества этого времени: плановое общество, тоталитарное общество, индустриальное общество. Третий период (70-80-е годы XX в. – по настоящее время) характеризуется понятием постмодерна и, связанного с ним, "переворачивания" формулы "базис определяет надстройку". Предлагая основные теории понимания "общества" в его конкретизации в XX в., Н.Л. Полякова задает "социальное" как социальную действительность. Осмысливая "общество" таким способом, устанавливается переход от модерна к постмодерну, от постмодерна к постпостмодерну/метамодерну [12]. При этом в "модерне" как определяющей части во всех этих понятиях, возможно обнаружить замкнутость, а следовательно, предельность непосредственного знания социально-гуманитарных наук о "социальном" и его понимании.

Итак, промысливание "социального" концептуально разворачивается в социальной философии посредством интерпретации социального бытия. Интерпретация предполагает осмысление субъектом видения "социального". Философствующий, как мыслящее "Я", обнаруживает себя местом пересечения смыслов социального, точкой их расположения. Социальное одновременно определяет его и определяемо им самим. Его позиция – это "точка зрения" на бытие, которое совместно. Она объективируется в конструкте как "изготовленном концепте" (Ж. Делез). В этом аспекте социологическое теоретизирование в его вариантах есть интерпретация или смыслоположение "социального". Тогда последнее есть социальная реальность как социологический текст или дискурс "социального". Субъективная позиция как концептуализированная социальная реальность оборачивается социальной действительностью в аналитических структурах социологии. Легитимирует "социальное" как действительно данное обоснование пересекающиеся исторические и экономические интерпретации. Обращение к истории совместного существования заключается в обнаружении, прежде всего, экономического взаимодействия. Конструирование исторического в поэтапном линейном расположении позволяет увидеть развитие социального во времени. Структурирование социальной действительности экономическим языком делает ее пространственное определение радикальным. Господство экономики как исторически обоснованного смысла "социального" схлapyвает, захватывает и переопределяет социальное бытие.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.
2. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова, ред. Д. Дамте. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология / М. Ве-

- бер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
5. Гегель Г.Г. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики / Г. Г. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 456 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида; пер. с франц. Б. Скуратова, под общ. ред. Д. Новикова. – М.: Logos-altera, Ecce homo, 2006. – 256 с.
8. Коркюф Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф; пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. – 172 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – 906 с.
10. Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. В 3-х т. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1979. – 640 с.
11. Маркс К. Энгельс Ф., Ленин В.И., О диалектическом и историческом материализме / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1984. – 636 с.
12. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер / пер. с англ. В.М. Липки. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
13. Нанси Ж.-Л. О событии / Ж.-Л. Нанси // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 91-102.
14. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше; сост. В.А. Черныш. Украинский филиал – СПб.: "Лесинвест ПТД" СССР – Швейцария, 1991. – 72 с.
15. Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от "социологической ортодоксии" / Н. Л. Полякова // Вестник московского университета. Серия Социология и Политология. – 2011. – №4. – С. 76-93.
16. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н. Л. Полякова. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
17. Фреге Г. Логико-философские труды / Г. Фреге; пер. с англ., нем., франц. В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 283 с.
18. Шматко Н.А. "Социальные пространства" Пьера Бурдьё / Н. Шматко // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.